

Легко ли ветерану

84-летняя ВАЛЕНТИНА ГАЗИЕВА, БЛОКАДНИЦА, ИНВАЛИД, НЕ ИМЕЕТ НОРМАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ. В БЛАГОУСТРОЕННОЙ ОТДЕЛЬНОЙ КВАРТИРЕ ЕЙ УПОРНО ОТКАЗЫВАЮТ

7 января Валентине Михайловне Газиевой, коренной ленинградке, ребенком пережившей блокаду, исполнится 85 лет. Самая большая мечта Валентины Михайловны — наконец-то получить благоустроенное жилье. Но пока надежд на то, что столь простая и объяснимая мечта ветерана сбудется, очень мало. И Валентине Михайловне останется лишь смотреть по телевизору, как чиновники всех рангов в очередные военные годовщины бодро рапортуяют о том, что все-все-все ветераны у нас окружены вниманием и заботой, и все-все-все ветераны, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, обеспечены благоустроенным жильем. Валентина Михайловна не может понять: почему ее-то ситуацию власть имущие не приняли во внимание и не помогли?

НА ДВЕ КОМНАТЫ — ЧЕТЫРЕ СЕМЬИ

Валентина Михайловна живет в двухкомнатной квартире на Лесном проспекте (Выборгский район). Сама по себе квартира хорошая: две большие комнаты, кухня, правда, маленькая — 7 кв. м. Но вот одна деталь, которую власти считают не очень-то важной: в этих двух комнатах проживают сразу четыре семьи. В одной комнате живет 53-летняя дочь Валентины Михайловны Наталья Леонидовна со своей взрослой дочерью и ее семьей, в другой — сама Валентина Михайловна, ее 54-летняя одинокая дочь Людмила Леонидовна, а также вторая дочь Натальи Леонидовны. В результате комната, в которой должно жить Валентине Михайловне, перегорожена мебелью на три отдельные части. Или, если говорить точно, на три угла. Упомянутые четыре семьи ведут раздельное хозяйство, имеют отдельные бюджеты. У каждой из семей своя собственная жизнь. На кухню особо и не зайдешь: когда готовят три хозяйки, четвертой места не найти. (Кстати, свою кухонную утварь Валентина Михайловна держит в своем уголке, поскольку на маленькой кухне шкафчиков на всех не хватает.) В туалет и особенно в ванную комнату порой образуется очередь. В общем, получается ситуация битком набитой коммуналки или же общежития старого типа — с удобствами на этаже.

Валентина Михайловна и ее родственники пытались решить проблему с жильем самостоятельно — путем продажи квартиры. Но за квартиру, превращенную в семейное общежитие, дают не так уж много денег. На них совершенно невозможно приобрести отдельное жилье для каждой семьи. Даже на коммуналки и то не хватает.

У семьи (если так можно назвать четыре отдельные семьи) было бы на одну квартиру больше. В 1990 году умер сын Валентины Михайловны, имевший отдельную квартиру. Но поскольку в те годы никто и не слышал о приватизации, квартиру забрало государство.

Поэтому имеющаяся двухкомнатная — это все, что есть у этих семей.

— Жить в таких условиях мне крайне тяжело. Поскольку о наших проблемах знают знакомые, то, когда кто-нибудь из них уезжает в командировку, на отдых, мне разрешают пожить у них. Но такое случается редко. И летом порой удается пожить на чужой даче. Все остальное вре-

мя приходится быть в своем углу, в квартире на Лесном, — поясняет Валентина Михайловна.

84-летняя ленинградка, блокадница вынуждена «путешествовать» по чужим квартирам! В своей, при таком-то числе проживающих, она чувствует себя лишней.

Нуждающейся в улучшении жилищных условий Валентину Михайловну не признали. Четыре семьи засчитали за одну, поделили общий метраж квартиры на число прописанных, и все — больше 9 кв. м. на человека, значит, ничего не положено. И так обеспечены жильем сверх норматива.

Валентина Михайловна с родственниками попытались сделать отдельные ордера на жилье, тем самым официально превратив квартиру в коммунальную. Не получилось: ведь нельзя поделить две комнаты на четыре семьи.

Снова обращения в инстанции. И вроде бы благоприятный ответ: Валентине Михайловне готовы предоставить жилье в социальном доме (то есть жилье, которое нельзя приватизировать и передать по наследству). Но радость оказалась преждевременной. Предложили комнату в двухкомнатной квартире. Вторую комнату уже занимал пожилой тяжело больной мужчина (фактически лежащий в больнице). Пришлось отказаться от этого весьма странного варианта. (Из практики работы нашей горячей линии «36 квадратных метров» подобный случай — чтобы давали комнату в социальном доме, в квартире, где уже проживает человек другого пола, — был впервые. Мы даже не предполагали, что таким образом власти могут предложить ветерану решить жилищную проблему.)

Причем Валентине Михайловне еще сначала говорили, что она за такое жилье должна отдать государству свою долю в упомянутой двушке на Лесном. (Квартира в свое время была приватизирована на пятерых, и одна пятая — часть Валентины Михайловны.) И чтобы родственники выкупили эту самую долю у государства за миллион рублей. Таких денег вообще в семьях никогда не водилось. Были бы — так давно бы прикупили себе недвижимость.

— Я прошу именно социальное, муниципальное жилье. Не для родственников, для себя. Чтобы я в своем преклонном возрасте смогла дожить оставшееся мне спокойно, — поясняет блокадница.

А в ответ тишина...

«Я УМИРАЛА В БЛОКАДУ»

Как уже говорилось, Валентина Михайловна — коренная ленинградка. До войны семья жила на углу Разъезжей улицы и Лиговского проспекта.

Когда началась война, одиннадцатилетняя Валентина вместе с двоюродным братом и бабушкой отдыхала на даче, на Черной речке. Последнее светлое воспоминание: когда вечером 21 июня по реке шли красиво освещенные суда. Но уже утром 22 июня было видно, как на другом берегу военные начали ставить ограждения с колючей проволокой.

— Мой папа, Михаил Федорович, спешно забрал нас в город. Запомнилось, что Ленинград был как мертвый. Практически никого на улицах, — вспоминает Валентина Михайловна.

Ну а первым военным ужасом для девочки стал день, когда пришла повестка на фронт на любимицу семьи — немецкую овчарку Зельду. Собака плакала, когда ее забирали, словно чувствовала: ей обратно не вернуться, впереди — смерть. (И сколько таких собак погибло в войну, подрывая вражеские танки!) Валентина Михайловна уверена, что плакала и лошадь, которую забирали у местного дворянина. На лошадь также пришла мобилизационная повестка.

Михаил Федорович Ильин, отец Валентины Михайловны, мог бы взять бронь, но не взял. Пошел в ополчение.

— Мы провозжали отца. Ополченцы рядами уходили вдаль. Мы стояли и смотрели. И вдруг началась бомбежка. Совсем рядом. И мы с мамой спрятались под трамвайный вагон: ползком туда забрались, — вспоминает блокадница.

Война железным катком прошла по семье Валентины Михайловны. Отец — красноармеец Михаил Федорович Ильин — умер от ран в январе 1942 года, похоронен в Колпине, в братской могиле. Погибли двоюродный брат и дядя.

— Страшно сложилась судьба моего дяди Сергея Федоровича. Из Ленинграда он был направлен на партийную работу в Петрозаводск. Когда пришли немцы, члены партии ушли в подполье. И кто-то выдал подпольщиков. Поймать самого Сергея Федоровича каратели не смогли, но задержали его жену с трехмесячным сыном Мишей. Жену пытали, Мишеньку закололи штыками на глазах у матери, а

Валентина Михайловна с сестрой Надеждой Михайловной (Надежда Михайловна в шинели, перед отправкой на фронт).

ее саму потом привязали к хвосту лошади. Лошадь погнало вскачь. У меня до сих пор как реликвия хранится фотография Мишеньки — моего убитого с особой жестокостью двоюродного брата, — рассказывает Валентина Михайловна не может сдержать слез.

Смерть была всюду: от голода, от пуль, от взрывов. Судьба играла в рулетку. И смерть подбиралась к Валентине Михайловне.

Занятий в школе не было. В школе, где она училась, развернули госпиталь. Валентина и ее одноклассники ходили в госпиталь, помогали раненым. И устраивали для них концерты. Валентина Михайловна помнит, как читала в госпитале стихи. А что касается учебы, то какое-то время дети еще занимались — в подвале дома, где было организовано бомбоубежище. А во время налетов дети, в том числе и Валентина, дежурили на крышах. Фугасы засыпали песком, который кидали большими лопатами, совсем не предназначенными для детских рук.

Наступал голод. Валентине Михайловне запомнилось, как бомба попала в магазин. Продукты (гречневую крупу) разметало по округе. Тогда втроем: Валентина, мама и бабушка, взяв чашки, пошли к этому разрушенному магазину и по крупинке из снега выковыривали гречку. Втроем собрали чашку гречки. Немыслимая по тому времени роскошь! Сварили кастрюлю каши. И в этот же день умер один из дядьев Валентины — от голода.

Могла вымереть вся семья. У мамы Валентины, Антонины Васильевны, украли так называемые стандартные карточки. Она их носила в мешочке на груди. Глядь, а мешочка и нет — срезан чьей-то рукой. А по тем карточкам в жэке выдавались продуктовые карточки. Нет стандартных карточек — не будет карточек и на продукты, в том числе на хлеб. Восстановить карточки было крайне сложно.

Но тогда семье повезло: об этом происшествии узнала знакомая матери, имеющая отношение к Смольному. И принесла пропуск на выезд из города в Горскую — для Валентины и ее мамы. Смогли доехать только до Лисьего Носа. Далее шли пять километров пешком. Шли двое суток: так были ослаблены. И вдруг на дороге Валентина упала: у нее пошла пена изо рта. (А пена, как тог-